



**М. О. КЕДРОВА**

## **История одной дружбы: Т. С. Элиот и Б. Рассел**

Реконструировать историю дружбы Элиота и Рассела как некий отрезок истории британской культуры первой половины XX в. меня заставило сопоставление нескольких источников: прежде всего это переписка Т. С. Элиота, переписка Б. Рассела, «Автобиография» Рассела, а также две биографии: книга Роберта Кроуфорда «Молодой Элиот: от Сент-Луиса до “Бесплодной Земли”» (2015) и книга Рэя Монка «Бертран Рассел: дух одиночества» (1996).

Начнем по порядку. В 1906 г. Элиоту восемнадцать лет, он поступил в Гарвардский университет и стал студентом философского факультета одного из самых престижных учебных заведений Америки. Здесь он в числе прочих слушает курс Джорджа Сантаяны. В 1910 г. Элиот успешно заканчивает Гарвард и приезжает в Париж, где проводит немало времени в аудиториях Сорбонны, слушая лекции Анри Бергсона и Люсьена Леви-Брюля. В 1911 г. он возвращается в Гарвард. В 1912–1913 гг. он посещал лекции по логике и эпистемологии крупного американского философа, гарвардского профессора Джосайи Ройса и принимал активное участие в работе его философского семинара. Вероятно, не без влияния Ройса Элиот определил область своего диссертационного исследования. Темой его диссертации стала гносеология английского философа-гегельянца Фрэнсиса Герберта Брэдли, ее название звучало так: «Опыт и объекты знания в философии Ф. Г. Брэдли». И вот наступает переломный для Элиота год — 1914. Чуть позже станет понятно, почему он был решающим в его жизни, и показательно, что именно в этом году в жизни Элиота появляется Бертран Рассел.

Впервые Элиот увидел Рассела, когда тот приехал как приглашенный профессор в Америку и читал Лоуэлловские лекции в Гарвардском университете весной 1914 г. Позже этот курс был положен в основу работы Рассела «Наше знание о внешнем мире как область для научного метода в философии». В этот момент Элиот — подающий надежды 26-летний аспирант Гарварда, а Рассел — сорока-

двухлетний профессор Кембриджа, автор совместной с А. Н. Уайтхедом работы «Principia Mathematica», которая принесла ему мировую известность. Первая встреча состоялась 27 марта 1914 г. Элиот посещал лекции Рассела, и тот пригласил его и еще одного аспиранта философского факультета Рафаэля Демоса, друга Элиота, в свой кабинет. Они говорили о Гераклите, о котором Рассел собирался рассказать на своей лекции «Мистика и логика», и Элиот сравнил Гераклита с поэтом Франсуа Вийоном, сказав, что тоска Вийона по исчезнувшим снегам прошлых лет сопоставима с высказыванием Гераклита о невозможности дважды войти в одни и те же воды. Эти слова Элиота восхитили Рассела, он счел это замечание настолько удачным, что захотел, чтобы Элиот сказал что-то еще, но тот был очень застенчив и потому промолчал. Они снова встречаются 10 мая 1914 г. на вечеринке в загородном доме друга Сантаяны Бенджамина Фуллера, автора исследования о проблеме зла у Платона. Рассел на этой вечеринке наблюдает за застенчивым аспирантом, а Элиот наблюдает за Расселом. Оба оставили воспоминания об этой встрече. Рассел пишет об Элиоте: «Он хорошо знаком с Платоном, хорошо знаком с французской литературой от Вийона до Вильдрака, очень способный на определенную изысканность, но лишенный грубой настойчивости и страсти, которые необходимы, чтобы чего-то достичь». А наблюдение Элиота за Расселом вылилось в более позднее стихотворение «Мистер Аполлинакс», в котором мистер Аполлинакс приезжает в Америку, появляется в гостях и смущает хозяев своими «сухими и страстными речами», Элиот сравнивает его с кентавром, чувственным и сексуальным: он очарователен, он берет вас с наскака. Он умен и разрушителен.

Весной 1914 г. Элиот получает разрешение провести целый учебный год (1914–1915) в Мертон колледж Оксфордского университета в Англии. 7 июля 1914 г. он отправляется в Европу и сперва приезжает на летнюю школу в Марбург (Германия). А 1 августа Германия объявляет войну России, и 2 августа курс, который должен был начаться на следующий день, был отменен. Элиот в августе прибывает в Лондон, и здесь происходит еще одна важная встреча и важнейшее в его жизни знакомство. 22 сентября 1914 г. он знакомится с Эзрой Паундом, человеком, перевернувшим всю его жизнь. Паунд был всего лишь на три года старше Элиота, но к тому времени он уже вполне зрелый и сложившийся поэт. Вдобавок ему была свойственна удивительная способность распознавать мощный талант. Он помог войти в литературную жизнь Джойсу, Хемингуэю... Он знакомил их с издателями и влиятельными меценатами, сам помогал материально. Элиот станет очередным «открытием» Паунда. Но это будет всё же несколько позже, в сентябре они только познакомились. В октябре

Элиот посещает Рассела. 14 октября 1914 г. в письме своей кузине Элеаноре Хинкли Элиот пишет: «Я с удовольствием провожу время в Лондоне и видел несколько приятных людей. Ты помнишь Берти Рассела, который так восхитил тебя? Я встретил его на улице и обнаружил, что он живет совсем рядом со мной, я зашел к нему, и мы пили чай. (Элиот тогда жил в съемной квартире по адресу Бэдфорд Плейс 28, а Рассел на Бэри-стрит, рядом с Британским музеем. — М.К.) Как я и ожидал, он пацифист, но говорил очень интересные вещи о европейской ситуации <...> Он сказал, что немцы сделали те же самые ошибки в своих приготовлениях к войне, которые он всегда находил в их научных трудах: когда, по его словам, немецкий автор читал все книги, имеющиеся под солнцем, кроме той единственной, которую следовало читать, и поэтому на войне они старались обеспечить своих солдат клещами для резки колючей проволоки, но при этом их дипломатия действовала таким образом, что им удалось объединить всех против себя. У него маленькая квартира, обставленная с отменным вкусом, не переполненная, довольно простая, с одной-единственной картиной на стене»\*. Рассел в воспоминаниях пишет, что во время этой встречи спросил Элиота, что тот думает о войне. И тот ответил: «Я не знаю, — знаю только, что я не пацифист»\*\*. В декабре 1914 г. Элиот вместе с философом Брандом Бланшардом проводит время в Дорсете на побережье Ла-Манша. По свидетельству Бланшарда, «каждое утро [он] видел Элиота, сидящим в столовой за столом с огромным томом “Principia Mathematica” Бертрана Рассела и Уайтхеда, открытым перед ним. Он был способен справляться с математическими символами и признавался, что, когда он оперирует ими, у него возникает чувство какой-то необыкновенной силы»\*\*\*. Вернувшись в Оксфорд, Элиот окончательно решает заняться эпистемологией Брэдли. Надо сказать, что в то время Брэдли был еще жив, ему в 1914 г. 68 лет, и он ведет жизнь отшельника. Элиоту так и не удалось с ним лично пообщаться. Брэдли в тот момент всё еще активен как философ, он только что опубликовал «Эссе об истине и реальности», в котором в девятой и десятой главах критикует Рассела.

12 марта 1915 г. в квартире Рассела в Тринити колледж в Кембридже Элиот читает доклад «Относительность морального суждения, в котором пытается примирить абсолютный идеализм и релятивистскую точку зрения. После доклада была дискуссия, в ходе которой стало ясно, что он рассматривает ценность как в некотором смысле зависимую от чувств конкретного субъекта в определен-

\* *Eliot T. The Letters of T. S. Eliot, Vol. 1: 1898–1922. New Haven, 2011. P. 69.*

\*\* *Russell B. Autobiography. London, New York, 2011. P. 229.*

\*\*\* *Eliot T. The Letters of T. S. Eliot, Vol. 1: 1898–1922. New Haven, 2011. P. 85.*

ный момент времени. Из писем очевидно, что он постоянно общается с Расселом, то и дело мелькают упоминания о нем (например: «Я встретил несколько индусов, которые показались мне едва ли не более близкими, чем англичане, но Берти Рассел говорит, что у него от них мурашки по коже»<sup>\*</sup>). 21 марта 1915 г. в письме к Элеаноре Хинкли Элиот пишет: «История является более аристократическим занятием, чем естествознание, и требует более развитого ума. И не то чтобы Берти Рассел не аристократ, но не вполне в обычном смысле. Ум у него чувствительный, но едва ли развитой, и я начинаю понимать, насколько он неуравновешен. Я наслаждаюсь его обществом не более чем обществом других знакомых людей; мы завтракали с ним, и я остался и проговорил с ним до часа ночи; он очень хорошо говорил о войне, у него очень пронизывающий, но в некотором роде незрелый ум: чудесно контрастирует с Сантаяной (который тоже в Кембридже)»<sup>\*\*</sup>. Итак, Элиот восхищается Расселом и в то же время критикует его.

В апреле 1915 г. Элиот знакомится со своей ровесницей, английчанкой Вивьен Хейвуд. Очень живая, подвижная, эмоциональная и эксцентричная, Вивьен очаровывает Элиота, и он каждую субботу начинает проводить в Лондоне, танцуя с Вивьен в больших отелях. Тут нужно отметить, что двадцатипятилетний Элиот всё еще не знал женщины, и общение с Вивьен стало для него своего рода находкой и отдушиной. Но и здесь всё было непросто. Вивьен примерно с шестнадцатилетнего возраста была подвержена истерии, принимала препараты (скорее всего, транквилизаторы) и даже сейчас, после встречи с Элиотом, посещала специалиста. Вивьен родилась в провинции, но выросла в Лондоне и ненавидела провинцию всей душой. Ее отец был художником, он часто рисовал Вивьен, когда она была еще ребенком. Бурный роман Элиота с Вивьен продолжается два месяца: они познакомились примерно 24 апреля, а 26 июня поженились. И Эзра Паунд, который страстно желал, чтобы Элиот остался в Англии, был счастлив, поскольку надеялся, что брак удержит его от возвращения на родину. Спустя две недели после бракосочетания, 9 июля Рассел обедает вместе с молодоженами и впервые видит Вивьен. Вот что он пишет в письме своей любовнице леди Оттолайн Моррел: «Вечером в пятницу я обедал со своим учеником из Гарварда Элиотом и его невестой (Рассел ошибочно называет жену Элиота «невестой». — М. К.). Из-за таинственности, которую напустил Элиот, я ожидал, что она будет ужасна, но она вовсе недурна. Она легкая, немного вульгарная, предприимчивая, полная жизни, он сказал, что она художница, но, по-моему, она скорее актриса.

<sup>\*</sup> Ibid. P. 99.

<sup>\*\*</sup> Ibid. P. 100.

Он изыщен и апатичен, она говорит, что вышла за него замуж, чтобы вдохновлять его, но обнаружила, что не может этого сделать. Очевидно, он женился, чтобы она его вдохновляла. Я думаю, она скоро устанет от него. Она отказывается ехать в Америку, чтобы повидаться с его семьей, опасаясь подводных лодок. Ему стыдно за его брак, и он очень благодарен, если кто-то добр к ней»\*. Родители Элиота боялись плыть в Лондон: свежа была память о том, как в мае британский трансатлантический лайнер «Лузитания» был торпедирован германской подводной лодкой и затонул, при этом погибли 1200 человек. Вивьен тоже отказалась плыть в Америку. Поэтому Элиот один отправляется в США, сказав жене, что вернется через месяц. Он отправляется 24 июля, оставив перед отплытием для Вивьен запечатанное письмо, которое просит открыть только в случае его смерти. Он достиг Америки 1 августа. Вивьен опасается, что Элиот может остаться в США, что семья не пустит его обратно, и отправляет письмо мужу, в котором сообщает, что очень больна. И Элиот отправляется в обратный путь уже 21 августа, хотя собирался пробыть в Америке дольше. Элиот договаривается, что с сентября начнет преподавать в гимназии в городе Хай-Уиком (Истборн, побережье Ла-Манша). В это время Вивьен и Рассел строят свои планы. И в начале сентября 1915 г. Рассел предоставляет молодоженом свободную спальню в своей квартире на Бэри-стрит, 34, а сам уезжает на месяц. Рассел назвал это «псевдомедовый месяц». Именно в это время складывается та модель отношений Вивьен и Элиота, которая потом воспроизводилась многие годы: Вивьен успешно использовала свою болезнь для манипуляции мужем. Она была уверена, что сможет также манипулировать и Расселом. Вивьен пишет Расселу отчаянное письмо, в котором уверяет его, что она на грани самоубийства, что псевдомедовый месяц окончился ужасным провалом. Рассел считает, что просто обязан вмешаться. Он пишет Оттолайн Моррел о Вивьен: «Кажется, она полагается на меня. Я думаю, что она влюбится в меня, но с этим уж ничего не поделаешь»\*\*. Харизматичный, источающий уверенность и самообладание, блестящий оратор, интеллектуал, аристократ, Рассел очень нравился женщинам. Стихотворение «Мистер Аполлинакс» (которое, кстати, понравилось Расселу) било прямо в цель и очень точно охарактеризовало сексуальность Рассела.

Очевидно, Вивьен очень подробно рассказывала Расселу о своих отношениях с Элиотом. Не будем забывать, что Рассел находит Вивьен «довольно вульгарной». Рассел считает ее способной уничто-

\* *Russell B. The Selected Letters of Bertrand Russell. Vol. 2: The Public Years, 1914–1970. London, 2001. P. 45.*

\*\* *Ibid. P. 48.*

жить Элиота, и в письме к Оттолайн представляет свои мотивы как исключительно доброжелательные: «Сейчас она наказывает моего бедного друга за то, что он обманул ее воображение, как героиня “Плейбоя”. Я хочу дать ей выход, а не уничтожить его. Я не влюблюсь в нее и не проявлю большей любви, чем это необходимо для ее реабилитации»\*. (Рассел имеет в виду пьесу ирландского драматурга Джона Миллингтона Синга «Герой западного мира» (1907)). В это же время Рассел устраивает философские дела Элиота. Он предложил Элиоту связаться с членом редколлегии Международного журнала по этике, дал ему несколько книг и попросил написать обзор. А сам в это время занялся совершенно аморальным, хоть и входящим в его личный этос, делом: начал соблазнять Вивьен. Элиот благодарит Рассела за доброту, которая «совершенно ошеломила его», и говорит, что его жена по-прежнему нездорова. И тогда Рассел спрашивает, не возражает ли Элиот, если бы он — Рассел — ночевал в своей лондонской квартире в те дни, когда Элиот преподает в Хай-Уикомской школе, а Вивьен находится одна. Элиот отвечает Расселу: «Что касается твоего приезда на ночь в квартиру, когда меня нет <...> мне кажется, что это не только совершенно не нужно, но и разрушит для меня всё удовольствие от нашей неформальной договоренности»\*\*. Спустя десятилетия Рассел утверждал, что у него никогда не было интимной близости с женой Элиота, однако и биограф Рассела Рэй Монк, и биограф Элиота Роберт Кроуфорд уверены в обратном. Поведение Рассела может показаться циничным, однако не всё так просто. В 1915 г. Рассел пишет работу «Принципы социальной реконструкции» (опубликована в 1917), в которой в том числе излагает свои взгляды на брак и гендерную проблематику. Во многом его мысль движется в русле общих культурных тенденций тех лет: в британском обществе сильны были антивикторианские настроения. Эти настроения были определяющими для образа жизни и даже неписаной культурной программы влиятельной в ту пору группы Влумсбери, объединявшей интеллектуалов, писателей, художников. Но к этой теме мы вернемся чуть позже.

21 сентября Элиот начинает преподавать в Королевской гимназии в Хай-Уиком, это была платная школа для мальчиков, в которой обучались примерно двести человек. Элиот преподавал там французский, математику, историю, рисование и плавание мальчикам разных возрастов за зарплату 140 фунтов стерлингов в год плюс школьные обеды. Это было очень мало, нужно было не только содержать семью, но и оплачивать врачей Вивьен. У Рассела были облигации

\* *Monk R.* Bertrand Russell: The Spirit of Solitude. 1996. P. 440.

\*\* *Eliot T.* The Letters of T. S. Eliot, Vol. 1: 1898–1922. New Haven, 2011. P. 126.

одной инженерной компании, которая во время войны занялась изготовлением боеприпасов. И тогда пацифист Рассел передает Элиоту эти облигации на сумму свыше 3000 фунтов стерлингов (дает вроде бы в долг, но без указания, когда именно этот долг должен быть погашен, и, надо сказать, Элиот все-таки вернул Расселу эту сумму, но только двенадцать лет спустя, в 1927 г.). А в тот момент такая сумма очень выручила Элиота и еще больше укрепила его зависимость от Рассела.

Семья Элиота по-прежнему призывала его вернуться в Америку. Элиот попросил Рассела написать письмо его родителям, и Рассел пишет письмо матери Элиота Шарлотте, в котором уверяет, что Элиота в Англии ждет блестящее будущее, и упоминает, что обсуждал с Элиотом его диссертацию. Он также пишет добрые слова в адрес Вивьен: «Она кажется мне очень милой, она действительно заботится о благополучии Тома и стремится не мешать его свободе и не вмешиваться во что бы то ни было»\*. Еще Рассел в письме расхваливает литературный талант Элиота, между делом упомянув, что Вивьен позаботилась о том, чтобы он больше не общался с людьми, которые именуют себя «вортицистами». А Элиот в письме рассказал матери о своем обзоре, написанном для Международного журнала по этике, и упомянул, что собирается вступить в ведущее философское общество Лондона — Аристотелевское.

Надо сказать, что любовница Рассела леди Оттолайн Моррел вместе со своим мужем, депутатом-либералом Филипом Моррелом, собралась вокруг себя кружок, авангардистскую художественную элиту, в которой царили свободные нравы. Они собирались в загородном доме Моррелов в деревушке Гарсингтон в нескольких милях от Оксфорда. Этот кружок был очень тесно связан с группой Блумсбери, не только по духу, но и по составу: многие члены гарсингтонской компании входили в Блумсбери, и наоборот. В частности, Рассел был членом обеих групп. Итак, в Гарсингтоне в живописной трехэтажной усадьбе XVII в. Рассел проводил много времени, подолгу жил там. У Моррелов был так называемый «открытый брак»: у них обоих были многочисленные романы, у Филипа было несколько внебрачных детей. У Оттолайн были не только любовники, но и любовница — художница Дора Каррингтон. Всё это было характерно для британской художественной элиты тех лет. Их объединяло творческое начало, приверженность искусству, авангардизм, резкое неприятие викторианской морали и ценностей викторианской культуры. На Блумсбери сильно повлияла философия кембриджского профессора Джорджа Эдварда Мура, особенно его работа «Principia Ethica»

---

\* Ibid. P. 129.

(1902): самое ценное в жизни — это удовольствие, получаемое от человеческого общения и восприятия прекрасного. Творчество и свобода — вот главные ценности, которые исповедовали блумсберийцы. Их внутренняя раскрепощенность и свобода проявлялись во всем, включая любовь: нередко говорят, что для Блумсбери были характерны гомосексуальные связи. Точнее было бы сказать, что многие блумсберийцы были бисексуальны, они не хотели ограничивать себя рамками пола, рамками брака. Так что и в области секса они были свободны и раскрепощены. Общение с философами-аналитиками Дж. Э. Муром и Б. Расселом, которые революционизировали британскую философию в начале XX в., играло большую роль. Что делало «Principia Ethica» Мура столь важными для Блумсбери — так это концепция внутренней ценности, отличной от инструментальной ценности. Как и в случае различия между любовью (внутренним состоянием) и моногамией (поведением), разграничение внутренней и инструментальной ценностей позволило блумсберийцам утверждать этическое превосходство, основанное на внутренних добродетелях, независимо от последствий их действий. Для Мура внутренняя ценность зависела от неопределимой интуиции добра и концепции сложных состояний ума, ценность которых в целом не была пропорциональна сумме частей. Для Мура и Блумсбери величайшими этическими ценностями были «важность личных отношений и личной жизни», а также эстетическая оценка: «искусство ради искусства».

Итак, Рассел познакомил Элиотов с Моррелами. Оттолайн Моррел помимо Рассела приглашала к себе завсегдатая Блумсбери Литтона Стрейчи, семью Хаксли (Джулиана, Олдоса и Джульетту Хаксли), Клайва Белла, Вирджинию Вулф, Уильяма Батлера Йейтса, Николая Гумилева и многих других. Рассел ввел Элиота в эту звездную компанию, и его там так и восприняли — именно как молодого друга Берти Рассела, подающего надежды талантливому поэту. Одновременно Элиот становится вхож и в группу Блумсбери. В то же время он активно общается с имажистами, группирующимися вокруг Эзры Паунда. Таким образом, молодой и пока еще никому не известный философ и поэт становится частью английской интеллектуальной и художественной элиты. Два очень разных наставника — Рассел и Паунд — вводят его в круг самых известных писателей и мыслителей Британии. А тем временем Рассел нанял Вивьен в качестве машинистки, чтобы она записывала его мысли о пацифизме. Итак, складывается любовный треугольник: два будущих лауреата Нобелевской премии по литературе и женщина, жаждущая любви их обоих. При этом Рассел говорит леди Оттолайн, что им движет исключительно филантропия. 10 ноября 1915 г. на тот момент еще бездетный



Рассел пишет Оттолайн, что любит Элиота как сына. «Он всё более становится мужчиной. Он глубоко и совершенно бескорыстно предан своей жене, и она действительно очень любит его, но время от времени проявляет к нему жестокость. Это жестокость как у Достоевского, а не повседневного типа. Я каждый день налаживаю отношения между ними и сейчас не могу оставить их одних, хотя, конечно, я и сам очень заинтересован. Она — человек, живущий на острие ножа, и в конце концов она станет или преступницей, или святой, я пока не знаю, кем именно. У нее идеальная предрасположенность и к тому, и к другому»\*. Вивьен начала заниматься балетом, и Элиот с Расселом вдвоем ходят на ее репетиции: Вивьен танцует перед ними в короткой черной юбке. Ей нравится такой тип отношений, она называет это «тройной *menage*». Всё это время они вместе живут в квартире Рассела. Элиот усиленно работает над диссертацией, точнее, перерабатывает ее, и его по-прежнему очень тревожит душевное состояние Вивьен. Разумеется, его беспокоят и большие суммы, которые приходится платить врачам. И Элиот испытывает огромное облегчение, когда Рассел увозит Вивьен в отпуск на новогодние праздники: в первых числах января 1916 г. Рассел вместе с Вивьен уезжает в отель «Торби» в Торки (в Девоне). Итак, Рассел с Вивьен отдыхают в отеле на южном побережье Англии, а Элиот наконец-то может спокойно поработать над диссертацией. Однако это длится недолго: через пять дней Рассел покидает Вивьен в Торки и оплачивает проезд туда Элиота. Надо сказать, что Элиот мучительно переживает по этому поводу: он видит, сколько времени, сил, денег Рассел тратит на них, он даже пишет в письме от 11 января 1916 г., что, возможно, Вивьен обязана Расселу жизнью. Он выражает огромную благодарность Расселу и говорит, что тот, человек более взрослый, чем он сам, умеет лучше справиться с эмоциональным состоянием Вивьен. В этот момент, в январе 1916 г., у Элиота выходит его первый критический обзор в Международном журнале по этике (тот самый, написание которого инициировал Рассел). Это рецензия на книгу Артура Бальфура «Теизм и гуманизм» (1915), которая становится первой философской публикацией Элиота в Англии. Итак, Рассел занимает всё большее место в жизни Элиотов, они всё больше зависят от него и материально, и морально. Элиота это тяготит, он хочет освободиться от этой зависимости. Он начинает с того, что подыскивает новое жилье, и Элиоты съезжают с квартиры Рассела. В конце марта 1916 г. Элиот и Вивьен переезжают в квартиру на Крофорд-стрит, 18. В это же время Элиот меняет работу: он уходит из Королевской гимназии в Хай-Уиком и устраивается младшим учителем в платную

\* *Russell B. The Selected Letters of Bertrand Russell. Vol. 2: The Public Years, 1914–1970. London, 2001. P. 50.*

начальную школу Хайгейт (эта школа существовала с XVI в. и находилась недалеко от Лондона). Здесь Элиот преподает французский, латынь, начальную математику, географию, рисование, историю, плавание и бейсбол.

В марте 1916 г. Элиоты в компании Рассела обедают у Оттолайн и Филипа Моррелов. Рассел показывает леди Оттолайн стихи Элиота, та их очень хвалит. Оттолайн так вспоминает этот вечер в дневнике: «Ужин получился так себе. Т. С. Элиот был очень формальным и очень вежливым, а его жена казалась мне каким-то испорченным котенком, очень игривой и наивной, она стремилась показать, что одержима Берти. Когда мы вышли из ресторана, она возглавила процессию, держа его при себе и взяв под руку. Мне было не по себе от ее дурных манер»\*. Итак, Элиот дорабатывает диссертацию. Он колеблется между философией и поэзией. Мать Элиота видит в нем исключительно философа и мечтает об академической карьере сына. Прежде всего, как философа его воспринимает и Рассел, хотя высоко оценивает поэтические опыты Элиота. С другой стороны, Эзра Паунд видит в Элиоте исключительно поэта и всеми силами убеждает его ступить на литературную стезю, и в этом он находит союзницу в лице Вивьен, которая тоже убеждает Элиота, что его призвание — быть поэтом. Приближалось время защиты диссертации, в апреле 1916 г. Элиот должен был отплыть в Америку, чтобы в Гарварде получить докторскую степень. Но Вивьен нервничала всё больше, она боялась, что ее муж может погибнуть в этой поездке. Видя ее состояние, Рассел связался с отцом Элиота и настоятельно посоветовал ему телеграфировать сыну, чтобы тот остался в Англии, если только докторская степень ему не дороже жизни. А на следующий день Элиот сам отправляет домой телеграмму, чтобы сказать, что он не приедет. Нервы у Элиота и Вивьен напряжены до предела. В декабре 1916 г., чтобы сменить обстановку и немного развеяться, Рассел везет Элиотов в Гарсингтон, предварительно уверив Оттолайн, что Элиот очень хочет ее увидеть. И вот, приезжает мрачный, измученный Элиот. Оттолайн разочарована, к тому же она прекрасно видит, какие отношения связывают Рассела и Вивьен, и это ее раздражает. Она пишет в дневнике: «Я была взволнована, ждала Элиота, но нашла его скучным, скучным, скучным. <...> Он говорит ровным монотонным голосом и кажется однообразным снаружи и изнутри. Интересно, откуда взялась его странная, невзрачная поэзия? От его Новой Англии, пуританского наследия и воспитания? Я думаю, что он растерял всю спонтанность и сможет прорваться сквозь свой консерватизм только с помощью мощных стимулов и эмоций.

\* *Morrell O. Ottoline at Garsington: Memoirs of Lady Ottoline Morrell, 1915–1918. London, 1974. P. 96.*

Очевидно, что он совершенно не осведомлен об Англии и полагает, что важно быть очень вежливым, чопорным, приличным и педантичным. Я пыталась заставить его говорить более свободно, говоря с ним по-французски, я подумала, что тогда он почувствует себя свободнее, но это имело не больше успеха, чем разговор по-английски. Он очень хорошо говорит по-французски, медленно и правильно <...> В целом я обнаружила, что американцы так же чужды нам, как и немцы»\*. В Гарварде диссертация Элиота была очень хорошо принята, хоть сам автор и отсутствовал. Ее назвали лучшей работой последних лет. Рассел продолжает заботиться об Элиоте и знакомит его с Филиппом Журденом, собирающим материалы для октябрьского номера престижного международного философского журнала «The Monist». Журден был редактором английской версии журнала. Этот выпуск должен был быть посвящен Лейбницу. В результате в октябрьском номере 1916 г. появились сразу две статьи Элиота, одна из которых, правда, была в большей степени об Аристотеле, чем о Лейбнице. В это время Рассел становится членом организации «Противодействие призыву на военную службу». Он анонимно публикует листовку, в которой утверждает право человека отказаться от воинской повинности по политическим или религиозным мотивам. После того как несколько человек осудили за ее распространение, Рассел через газету «Таймс» раскрыл свое авторство. За это власти привлекают его к суду. Рассел произносит страстную речь, заявив, что на скамье подсудимых оказался не только он, но и вся британская свобода. Суд постановил оштрафовать Рассела на 100 фунтов стерлингов, конфисковал его библиотеку и запретил выезд в США, а кроме того, Рассела уволили из Тринити-колледж. Вскоре после этих событий Рассел обедает с Элиотами и, разумеется, рассказывает об этом. По воспоминаниям Рассела, Элиот бурно радовался, услышав рассказ об энергичной речи Рассела в суде. Несмотря на увольнение, он продолжал помогать финансово Элиотам. Леди Оттолайн пишет: «Я долго разговаривала с Берти о миссис Элиот. Я не очень понимаю ее влияние на него. Кажется странным, что такая легкомысленная, глупая маленькая женщина может так сильно влиять на него, но я думаю, ему нравится чувствовать, что она зависит от него, смотрит на него как на богатого бога, потому что он щедро одаривает ее шелковым нижним бельем и разными глупыми безделушками, платит за ее уроки танцев. На это уходят все его деньги, и теперь он ждет, что мы организуем фонд для выплаты его штрафа в размере 100 фунтов стерлингов»\*\*. После этого

\* Seymour M. Ottoline Morrell: Life on the Grand Scale. London, 1992. P. 256.

\*\* Morrell O. Ottoline at Garsington: Memoirs of Lady Ottoline Morrell, 1915–1918. London, 1974. P. 120.

«долгого разговора» Рассел пообещал порвать с Вивьен, но боялся, что результатом этого будет ужасная ссора. 31 августа 1916 г. Рассел и Элиот встречаются и говорят о Вивьен. Рассел пишет об этом Оттолайн: «Это было довольно печально, но я понял, что должен делать <...> Решено, что я еду в Бошэм <...> тогда я вряд ли увижу ее в течение зимы. Видеть ее тревожно, это отнимает у меня время, деньги и здоровье. Я буду продолжать давать деньги этой зимой, но, кроме того, я сказал, что не могу предвидеть, что будет дальше. Я не могу сейчас ничего решить, кроме этой зимы»\*. Рассел пытается перевести связь с Вивьен в плоскость дружеских отношений и сделать перерыв в общении с ней. Год спустя, в письме от 30 октября 1917 г., адресованном леди Мэллисон, Рассел пишет: «Я собирался (за исключением, возможно, очень редких случаев) быть с миссис Элиот просто в дружеских отношениях. Но она была так рада, что я вернулся, была так добра и хотела гораздо большего, чем дружба <...> В конце концов я провел с ней ночь. Это был полный ад. Во всем этом было нечто тошнотворное, что я даже не могу описать. Я скрыл от нее то, что чувствовал, и потом получил от нее очень счастливое письмо»\*\*. В то время, когда Рассел пишет это письмо, Элиот публикует свой первый сборник стихов «Пруфрок и другие наблюдения». Он не посвящает его Вивьен, хотя ее страстная убежденность в его поэтическом гении сыграла не последнюю роль в становлении Элиота как поэта. Спустя 10 лет после женитьбы Элиот говорит Расселу, что тот был прав, когда крайне пессимистично высказался об их браке: «Вы — великий психолог». В июле 1917 г. при содействии Рассела Элиот публикует еще одну философскую работу в «The Monist»: это рецензия на книгу Жоржа Сореля «Размышления о насилии» (1906), которая была опубликована в Англии в переводе и с предисловием Т. Э. Хьюма. Однако, несмотря на это, Элиот всё больше отдаляется от Рассела, а тот после разрыва с Вивьен постепенно отдаляется от Элиота. Усиливаются и их интеллектуальные разногласия. В предисловии к книге «В защиту Ланселота Эндрюза» (1928) Элиот называет себя «классицистом в литературе, роялистом в политике, англокатоликом в религии», и этим он совершенно не похож на пацифиста, либерала и атеиста Рассела. В работе «Назначение поэзии и назначение критики» (1933) он называет прозу Рассела «плохой». Всё больше и больше Элиот сближается с Эзрой Паундом, но это уже другая глава его жизни.

Сам Элиот, наконец, осознал невозможность дальнейшей жизни с Вивьен, но уйти от нее всё же не решался. Началом окончатель-

\* *Russell B.* The Selected Letters of Bertrand Russell. Vol. 2: The Public Years, 1914–1970. London, 2001. P. 76.

\*\* *Ibid.* P. 129.

ного разрыва с женой стала длительная поездка Элиота в Америку в 1932–1933 гг. Вернувшись в Англию спустя почти год, он поселился отдельно от Вивьен у знакомых и скрывался от жены. Дальнейшее общение Элиот с ней вел уже через своих адвокатов. Разрыв с мужем был сильным ударом для Вивьен. В июле 1938 г. она была признана душевнобольной и помещена в клинику нервных заболеваний, где провела оставшиеся девять лет своей жизни. 22 января 1947 г. Вивьен скончалась в частной лечебнице для душевнобольных в Финсбери-парк в возрасте пятидесяти восьми лет. Общение Элиота с Расселом в более позднее время было редким и фрагментарным. В мае 1964 г. (за полгода до смерти) Элиот пишет Расселу: «Дорогой Берти, мы с женой (имеется в виду вторая жена Элиота Валери Флетчер. — М. К.) прошлым вечером слушали интервью с тобой по радио, думаю, что оно прошло очень хорошо. Как ты, наверное, знаешь, я не согласен с твоими взглядами на большинство вещей, но полагаю, что ты выражаешь свои идеи в наиболее достойной и даже в наиболее убедительной форме. Я хотел бы, чтобы ты знал это по мере продвижения вперед, поскольку надеюсь, что и сам немного успокоился с возрастом. С благодарностью и теплыми воспоминаниями, всегда твой Том»\*. Было ли случайностью то, что произошло в эти три года (1914–1917), когда общение Элиота и Рассела достигло наибольшей интенсивности? На наш взгляд, нет. В жизни Элиота это был переломный период: он отделяется в это время от Америки, от своей семьи, в некотором смысле (хотя и не совсем) отходит от философии, и именно в эти годы происходит его становление как поэта. А трудные, подчас мучительные отношения с Вивьен породили его шедевр — поэму «Бесплодная земля». Что же касается Рассела, безусловно, он сыграл большую и неоднозначную роль в жизни Элиота. Но ему тоже было нужно это общение. *Menage a trois* стал для Рассела толчком к размышлениям об изменении статуса женщины в обществе, к преодолению культурных стереотипов и созданию новых кодов поведения.



---

\* Ibid. P. 525.